

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Константин Кинчев на съемках фильма "Взломщик".

— Почему вы не снимаете "мыльные оперы"? Это ведь прибыльно! — нагло ворвалась я в уютный творческий мир режиссера Валерия Огородникова. Тот не растерялся:
— Это другая профессия. Вот недавно очередной сериал предложили. Там уже были выбраны актеры, все написано, бери да снимай! Но мне не понравился Константин Хабенский. И я поставил условие, чтобы в первой серии его героя убили. Ну, или в космос запустили. Очень хорошая сцена! Человека запускают в космос, отказывают двигатели, и ракета улетает с орбиты. И мы передаем репортажи, пока Костин персонаж не исчезает. А они: мы не можем, у него рейтинг. Есть у меня и другой способ отказа: контракт — миллион долларов! Пусть дадут деньги, и я сниму, отказавшись от авторских прав...
— Никто не согласился пока?
— Копят, наверное.

Валерий ОГОРОДНИКОВ

ходит? Он же наркоман и алкоголик..." Поэтому "старика" его и откинули. Кинчев пришел в Госкино в своих драных джинсах, весь накрашенный. Несмотря на то что итальянцы купили билеты на наши фамилии, он не поехал.

У Кинчева была неуемная энергия, и за счет этого он вырывался вперед. Каждая песня — мини-спектакль. Актер он, сами понимаете... В картине пришлось попотеть.

— Почему же не сменили его на более профессионального актера?

— Коней на переправе я не меняю. Он мне симпатичен как человек. А все почему-то думали, что мы любовники (ха-ха!). Это был кошмар, за границей задолбали вопросами. Пункт ли я, наркоман, гомосексуалист?.. Не верили, что человек, не прошедший все это, мог снять такую картину. Представляете, 1000 человек на первой моей пресс-конференции в Венеции — и одни и те же вопросы!

"Я традиционный матерщинник"

— Мальчика на главную роль долго искали?
— Задача стояла нереаль-

Почему Панкратов-Черный не сбрил усы

Сегодня Валерий Огородников монтирует свою "военную" картину "Красное небо. Черный снег" по мотивам рассказа Василия Конякова "Не прячьте скрипки в футляры" и собирается воплотить в жизнь давнюю мечту: создать "Взломщик-2". Если с первым у него все фактически получилось, то на второе пока нет времени. "Красное небо. Черный снег" появится на экранах страны осенью. "Взломщик-2" — неизвестно когда. А неформалы всех времен и народов до сих пор смотрят "Взломщика" №1 взахлеб. Не только потому, что там много музыки и культовых персонажей. Просто это наша история, зафиксированная на кинолентке.

— Как вы попали в город Сатка Челябинской области? Почему "Барак" и "Красное небо. Черный снег" сняты именно там?

— Мой соавтор сценария по "Барак" Виктор Петров предложил: мол, есть такой городок, где он родился. Городок оказался похожим и на мою родину — Нижний Тагил. Видимо, они строились по типовому проекту. Так называемые Екатеринбургские заводы на Урале. Плотинка, мостик, три маленьких домика и старые дома. Нам ничего не стоило найти барак и другие декорации. С другой стороны, это места Степана Разина и Салавата Юлаева. Такой факт толкал на подвиги: спать по 4 часа и снимать круглыми сутками.

— Как я понимаю, на вас обрушилась всенародная любовь. Вы ведь много снимали в массовке местных жителей?

— В "Барак" не так много. А в "Красное небо" — 500—600 человек. Иной раз до тысячи доходило. Приходили все — от детишек до стариков. Когда местная газета вышла с заголовком "Сегодня день рождения нашего любимого режиссера Валерия Огородникова!", я чуть не заплакал. День рождения и Новый год я всегда встречаю в семье. Но в тот раз я не смог уехать: праздник совпал со съемками кульминационной сцены — проводов на фронт. И на площади народ вдруг встал передо мной на колени. Меня пробрала дрожь. Я почувствовал себя царем, Стенькой Разиным и Емелькой Пугачевым одновременно...

— Вы снимаете уже второй фильм подряд о военной эпохе. Зачем?

— Война не заканчивается. А сейчас разве не война? Я же первый мальчик в мирном поколении. И это дало колоссальную энергию моему детству. Мне не забыть тепла женских губ... Маленького мальчика зацеловали и заласкали. Бедовы, тоскуя о своих мужьях. Это потрясало женщин, многие из которых так и не вышли второй раз замуж. Они были безумно красивы и дали мне столько света, что я несущего в мир до сих пор. Он и есть — энергия большой войны. Энергия невероятного, нечеловеческого, немислмого ожидания. Главный акцент в картине "Красное небо. Черный снег" лежит в области страстей человеческих. Вокруг треугольника Лиды Салтанова — капитан Шатров — бандит Галимбиевский разворачивается все действие. Очень неожиданный бандит-стахановец, точно сыгранный Петей Семаком.

В фильме снимаются и другие звезды — Игорь Скляр, Нина Усатова, Александр Панкратов-Черный. Но для меня главная звезда — именно Семак. И Алексей Девотченко, которому я дал сценарий и сказал: выбери что хочешь. Пете же предложил роль бандита. Поначало она по-другому была написана. Галимбиевский — хромой, некрасивый, убогий. До войны у него были проблемы с женщинами, а потом "наступило его время". Но Семак — красавец и женолюб! Тем не менее актер оказался настолько "велик и широк", что герой стал не хромой, не кривой, а обаятельный, но негодяй.

— А почему Панкратов-Черный не сбрил усы? Ведь по контракту должен был...

— Мы с Сашей обо всем договорились. И в контракте был пункт, по которому мы обязаны ему сделать три штуки усов, чтобы, пока не отросли новые, Саша мог в них сниматься. Имидж есть имидж. Утром перед съемкой приехал в полном смятении чувств. Я говорю: "Ну что, сбриваем?" Пауза, вздох: "Хорошо..." И вот эта пауза между моим вопросом и его ответом все определила. Оказалось, он не спал всю ночь перед съемками, думал. Я его спросил, что происходит. Выяснилось: накануне Саша был на дружных пробах. Честно признался режиссеру: еду к Огородникову сниматься без усов. Немая сцена: "Как без усов?!" И контракт... там не подписали. Тогда я разорвал наш договор, и усы Саше не сбрили. Актер на

"Мне и кликуху дали — Режиссер"

ВЗЛОМЩИК РОССИЙСКОГО КИНО

ИЗ ДОСЬЕ "МК": Валерий Огородников родился 1 ноября 1951 года в Нижнем Тагиле. В 1974 году окончил Уральский политехнический институт (химико-технологический факультет), а в 1984-м — ВГИК (мастерская Игоря Таланкина). Известность ему принес первый полнометражный фильм "Взломщик". Фильм был отмечен несколькими кинематографическими премиями, в том числе призом ФИПРЕС-СИ на кинофестивале в Венеции. Поставил по своим сценариям фильмы "Бумажные глаза Пришвина" (1989) и "Опыт бреда любовного очарования" (1991). В 1999 году снял фильм "Барак". Главные роли в картине, получившей "Серебряного леопарда" на кинофестивале в Локарно, сыграли Юлия Свежакова, Евгений Сидихин, Леонид Ярмольник.

Олег Елькомов — главный герой "Взломщика".

крыльях полетел на съемочную площадку. А вечером напился на радостях.

— У каждого режиссера есть плеяда своих актеров, снимаемых из картины в картину. Ярмольник к "вашим" уже относится?

— Не думаю, что "Барак" для него был эпической картиной. Но фильм, на мой взгляд, все же изменил его актерскую жизнь. Леня — человек отзывчивый, актер успешный плюс богатый... Поэтому я не знаю, насколько для него был важен этот проект. Меня поразило то, что он был другом Енгибарова, знает наизусть все его репризы и может их показывать, забывая о своих шутках, часах. Это, я вам скажу, не "цыпленок табака" и даже не "орел"...

"Меня целый год таскали по тусовкам"

— А правда, что свою первую картину вы потеряли?

— Это была не моя первая картина, а последняя, незаконченная — Динары Асановой. Мне запретили ее доснимать — думаю, правильно сделали. Зато в результате передо мной освободилось мощное энергетическое пространство. Я стал изгоем в глазах чиновников. И комплекс вины в них привел к тому, что мне стали предлагать массу сценариев. Великая Светлана Пономаренко (мой редактор, а на студии "Ленфильм" — еще с "Полосатого рейса") отко-

пала "Взломщика" и сказала: "Бери вот это! С Валерой Приемыховым подружись, вы из провинции оба..." Мы так и не подружись. Потому что я переписал сценарий полностью.

— Что вас не устроило?

— Уровень откровения персонажей. Картина ведь не про рок, а про человеческую судьбу. Про заброшенность, про одиночество. Всех — начиная от мальчика и кончая подружкой отца. Уж не говоря о Косте... И я понимаю рок-среду, которая забухтела по поводу того, что я что-то не снял. Мол, не так, не про всех, "мы не такие"... Боже мой, а какие?! Я две недели провалялся в нервной клинике после съемок. Стакан бормотухи, наркота, и не спать!..

— Вы так погрузились в среду?

— Почти год "знакомился", медленно и внимательно. Гаркуша и Дима Матковский водили меня по тусовкам. Они потом и брызжались больше всех: "Водили-водили, а снял не то..." А мне "то" не интересно.

— Мне просто кажется, что вы видели это все снаружи, а они — изнутри.

— Да все было нормально. Мне и кликуху дали: Режиссер. В детстве у меня, правда, другая была: Забор. Но я не стал ее всем сообщать. Рос-то я в бандитском городе, когда драки были стенка на стенку. Вот где хард-рок! Шрам над губой — это в детстве, в бою на палашах получил. Наши воззрения на музыку в ту пору жилились не на доморощенном рок-н-ролле, абсолюто вышедшем с Запада...

— В общем, вы видели жизнь и покруче, а потому, попав в рок-тусовку, шока не ощутили?

— Шок я люблю испытывать. Но повторю: "Взломщик" — не история рок-группы. А судьба папы и двух братьев. И если бы наш прокат рекламировал картину как семейную драму, он бы собрал больше денег. Знаете, сколько копий "Взломщика" выпустили? 1700. И планировалась премьера в 22 городах. А в итоге ажиотажа вокруг не возникло. Массы фильм не поняли: что им рокеры? Это далеко не весь мир. Прокат заработал всего 25 миллионов. А "Пираты XX века" — около 100. И все равно это был большой успех. Особенно для человека, который пришел в кино случайно, из аспирантуры "закрытого" НИИ, имеющего отношение к космосу...

— Вы помните вашу первую поездку за границу со "Взломщиком"?

— В 1987 году летел я с Абдрашитовым в Венецию. И были 150 "командирских" граммов коньяка в аэропорту "Шереметьево". Поскольку я в первый раз пересек границу, сильно волновался. Выходим — стоят люди с плакатом: "Кинчев, Огородников". Я кидаясь к ним, здороваюсь. "А где синьор Кинчев?" "Си, си, Кинчев!" — говорит Абдрашитов и улыбается. Оказалось, его отравили вместо Кости. А в Венецию дали телеграмму, что Кинчев заболел. Кстати, когда Кинчева не выпускали за границу, я сам ходил в спецотдел. И мне молодые ребята разъяснили: "Валер, ну посмотри, в чем он

ная. Ну кто совершит такой поступок? Украсть и сдать в ментуру, для того, чтобы брата спасти... Где бы я ни был — в милиции, в комитетах по несовершеннолетним, в психиатрических детских клиниках, — все говорили: это неудачный характер, не жизненный. В итоге я понял, что буду снимать сказку...

Недавно я сделал интервью с "мальчиком" — Олегом Елькомовым. Он прошел тюрьму, по-лысел, очень изменился. В свое время, кстати, Кира Муратова тоже утвердила его на главную роль. Но он уехал к маме, которая вышла замуж. На Урал, знакомиться со сводными братьями и сестрами. В детстве она его бросила. И в первом своем интервью он сказал: "Я маму ненавижу, и когда она придет ко мне, я ее прогоню". Когда мы сняли фильм, он изменил свое мнение. Это наша победа. Фильм был для маленького изгоя, испытанием. Папа Олега сидел за убийство, он про него много рассказывал. "Папа вступился за женщину и случайно убил обидчика. Я его очень люблю". Когда мы услышали это, сами чуть не заплакали.

— "Взломщик" стал культовым фильмом. Как думаете, почему?

— Наверное, он вошел в обойму фильмов "детей Горби" — вместе с "Покаянием", "Легко ли быть молодым?", "Мой друг Иван Лапшин" и другими. Нас просто нацелили на зрания перестройки. Чтобы показать, что в России тоже есть демократия.

— Что в вас осталось от юноши по прозвищу Забор?

— Характер. Люблю подражаться. Правда, сейчас делаю это редко. С Забором все просто. Младший брат был Огород, ну а я — Забор. Когда я попал в немецкую школу, меня стали звать Ганс или Академик. Но это не прижилось. А сам я представлялся всем Юркей Пономаревым. Пономарев — фамилия моего деду, а Юрка — в честь Гагарина. Кстати, с фамилией у меня были проблемы во ВГИКе. Все почему-то думали, что я родственник диссидента религиозного толка Александра Огородникова.

— Драться вы перестали. А материтесь на площадке?

— Еще как! От отчаяния, когда невозможно ничего изменить. Иногда удается и нормально разговаривать, но чаще — трехэтажным. Я ругаюсь по правилам, традиционный матерщинник. И на съемочной площадке я — диктатор. Нет у режиссера другого выхода.

— Уже есть проект памятника "Ассе". Может, и "Взломщика" увековечить?..

— Памятник "Взломщику" — сама картина. Ее сейчас берут и раздергивают на куски, как хронику. Я собираюсь делать "Взломщик-2". Есть все негативы, трехчасовая кассета с концертами, кинопробы. Кстати, наши рокеры там поют песни, которые нигде не обнародовали. Видимо, в итоге получится DVD, куда войдет сам фильм и документальные материалы.

— "Взломщик" — программное произведение. У вас есть новая творческая мечта?

— Я уже вошел в воду и плыву по реке под названием "Наивная светлая мечта". Кино — это профессия нести людям добро. А не возбуждать их и не провоцировать.

— А остров на горизонте реки Мечты маячит?

— "Остров" — это название одной из моих будущих картин по мотивам оперы Маскони "Сельская честь". Она про рыбаков. Я собираюсь снять игровой фильм и взять в качестве главных героев реальных людей.

Наталья ЧЕРНЫХ.

Огородников Валерий 5.04.03.